
В.П.Сударев

Латинская Америка: новая геополитическая траектория

Статья посвящена анализу существенных перемен, происшедших в последние годы в подходах к отношениям с латиноамериканским регионом главных центров мировой политики — Соединенных Штатов, Китая и Евросоюза. Особое внимание уделено тому, насколько эти перемены воздействовали на политическое и социально-экономическое развитие государств Латинской Америки, и какие последствия это может иметь для интересов Российской Федерации в этом районе мира.

Ключевые слова: геополитический треугольник, эволюция отношений, администрация Д. Трампа, маршрутная карта Си Цзиньпина, Евросоюз, Россия.

DOI: 10.31857/S0044748X0005397-5

Статья поступила в редакцию 04.04.2019.

Уже более двух десятилетий Латинская Америка находится в своеобразном геополитическом треугольнике США — Китай — Евросоюз. Однако политика всех трех сторон этого треугольника в конце второго десятилетия XXI в. претерпела существенные изменения. Например, Евросоюз существенно ослабил свое присутствие в этом регионе, превратившись в наиболее слабое звено этой геополитической конструкции. Соединенные Штаты и Китай, напротив, нарастили свою активность в Латинской Америке, однако в разных областях. Если Вашингтону при президенте Дональде Трампе удалось заручиться сразу несколькими стратегическими партнерами в политической и военной областях, на что не могли претендовать администрации Джорджа Буша-мл. и Барака Обамы, то Пекин продолжал планомерно наращивать свою экономическую экспансию в регионе.

При этом латиноамериканский регион столкнулся с новыми глобальными вызовами. Они, с одной стороны, были связаны со все более четко очерченными рисками маргинализации в мировом экономическом пространстве. Причиной стало резкое падение темпов экономического развития в целом по региону (в среднем 1-2% в год в 2016—2017 гг.)¹. С другой

Владимир Петрович Сударев — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (v.sudarev@mtu-net.ru).

стороны, этот регион вступил в полосу политической нестабильности, связанной с уходом с политической арены целой плеяды лидеров (Нестора Киршнера, Уго Чавеса, Инасио Лулы да Силвы, Кристины Фернандес де Киршнер, Рафаэля Корреа), которые в начале века инициировали и возглавили перспективные интеграционные группировки левонационалистического характера, находящиеся в последние годы в упадке. Это произошло, в частности, из-за политических скандалов, вспыхнувших в Бразилии и приведших к импичменту президента Дилмы Руссефф в 2016 г., что в целом существенно снизило влияние этого государства, не без оснований в течение последних десятилетий претендовавшего на роль регионального лидера.

Трудно однозначно утверждать, что Вашингтон приложил руку к коррупционным скандалам в Бразилии. Но то, что этот южноамериканский гигант, все более активно подключающийся к основным проблемам мировой политики и по сути выходящий на глобальный уровень, за несколько последних лет растерял свои позиции в Латинской Америке, — факт очевидный. Это, как представляется, вполне устраивало США.

Неоднозначную роль сыграла и политика «мягкой силы», примененная к Западному полушарию администрацией Барака Обамы. С одной стороны, она привела к некой нормализации отношений с Кубой, поиску более эффективного взаимодействия с Мексикой в борьбе с наркотрафиком, а также к более терпимой позиции в отношении леворадикальных режимов Венесуэлы, Эквадора и Никарагуа. С другой — политика демократической администрации стала причиной кризиса и фактического разрушения целого ряда интеграционных объединений. Речь идет об Андском сообществе наций (*Comunidad Andina de Naciones, CAN*), Союзе южноамериканских наций (*Unión de las Naciones del Sur, Unasur*), Боливарианском союзе для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*) и о во многом инсценированном Вашингтоном превращении Группы Рио — наиболее действенного и перспективного механизма политических консультаций и коллективной дипломатии ведущих государств региона — в Сообщество латиноамериканских и карибских государств (*Comunidad de los Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC*). Последнее представлялось малоперспективным объединением 34 государств региона самого различного экономического веса и политической ориентации. А механизм коалиционной дипломатии, который крайне не устраивал США, был по существу утерян².

Очевидно, что анализ следует начать с эволюции межамериканских отношений в конце второго десятилетия XXI в., тем более что Д.Трамп уже в ходе предвыборной кампании подверг резкой критике основные начинания политики своего предшественника, поставив под вопрос главный стратегический план Б.Обамы — коренную перестройку мировой экономики на основе формирования двух «стратегических колец» — транстихоокеанского и межатлантического.

Отметим, что в случае реализации этот проект уже в следующем десятилетии перевернул бы устои международных экономических отношений и, кстати, стал бы причиной маргинализации в мировом пространстве латиноамериканского региона. Трамп сдержал свое обещание, уже в январе

2017 г., по сути, торпедировал соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (Trans-Pacific Partnership, TPP), заявив о выходе США из него. Хотя остальные участники этого проекта в конце 2016 г. приняли решение о том, что проект TPP будет реализован и без Вашингтона, последнее представлялось весьма проблематичным.

Политика же в Латинской Америке уже в первые месяцы президентства Трампа оставляла противоречивое впечатление. При этом многие эксперты вполне обоснованно задавались вопросом, а есть ли она на самом деле? Впрочем, как известно, отсутствие официальной политики — это тоже политика. Несмотря на то, что какой-либо долгосрочной программы, которая была присуща его предшественникам, не существовало, президент все же попытался выполнить основные предвыборные обещания, касающиеся кардинального пересмотра политики Обамы. Это, в первую очередь, относилось к Мексике, Кубе и Венесуэле.

Мексика подверглась наиболее жесткому прессингу со стороны Трампа еще в ходе предвыборной гонки. Об этом свидетельствовали и неоднократно озвученное намерение строительства стены (3 тыс. км) на границе двух государств, за которую должна платить мексиканская сторона, и заявление о коренном пересмотре Североамериканского соглашения о свободной торговле (North America Free Trade Agreement, NAFTA), и планы массовой депортации из страны мексиканцев-нелегалов. «Масло в огонь» подлило и заявление Трампа о том, что если Мексика сама не сможет справиться с наркокартелями, то Соединенные Штаты вполне могут это сделать в одиночку³.

При этом Трамп считал нужным воздействовать и на другие аспекты отношений двух стран. В частности, его возмутила цифра, отражавшая денежные переводы, ежегодно отправляемые мексиканскими мигрантами своим родственникам (согласно американской статистике в 2016 г. их общий объем составил рекордную сумму в 27 млрд долл.). Из этого американский президент сделал весьма тривиальный вывод: он сообщил о планах обложить денежные переводы налогами и тем самым найти средства для строительства пограничной стены.

Подобные действия американской администрации вызвали рост антиамериканских настроений в самых различных слоях мексиканского общества, что не могло не отразиться на вступившей в завершающую фазу предвыборной кампании в стране. При этом абсолютно неслучайно победу на выборах 1 июля 2018 г. одержал представитель левого Движения национального возрождения (Movimiento Regeneración Nacional, MORENA) Андрес Мануэль Лопес Обрадор, заметно опередивший других кандидатов.

В этой связи следует отметить, что Трамп заранее планировал нанести удар по Мексике, который, кстати, относился не только к двусторонним отношениям. Как мы уже отмечали, одной из первых акций президента США был вывод его страны из TPP. А ведь именно Мексика стала при поддержке Обамы одним из основателей созданного еще в 2012 г. Тихоокеанского альянса четырех латиноамериканских государств, которые стремились стать членами TPP. Трамп по сути разрушил этот стратегический проект, у которого без Соединенных Штатов практически не было будущего.

Во многом из-за американской стороны более чем на год затянулся и переговорный процесс по пересмотру NAFTA. При этом президент США неоднократно говорил о намерении вывести свою страну из этого договора, а в начале июня 2018 г. даже заявил о том, что Соединенные Штаты предпочитают заключить двусторонние договоры отдельно с Канадой и Мексикой⁴. Однако довольно неожиданно для целого ряда экспертов Соединенные Штаты и Мексика в конце августа 2018 г., (Канада присоединилась в сентябре 2018 г.) согласовали текст нового соглашения, пойдя при этом на взаимные уступки. Это, на наш взгляд, было вызвано несколькими причинами. Республиканская администрация США и, главное, президент Трамп со своей стороны, как представляется, наконец, осознали значимость южного соседа для безопасности своей страны.

Речь шла главным образом о центральноамериканском перешейке, так называемом «мягком подбрюшье» Соединенных Штатов. Напомним, что этому субрегиону немалое внимание уделял предыдущий президент США Обама. Причина была проста и очевидна. Именно в этот субрегион «спустилась» из Мексики большая часть наркокартелей. При этом они наладили взаимодействие с вооруженными молодежными бандами «марас».

Трамп в течение долгового времени фактически игнорировал образовавшееся в Центральной Америке своеобразное «осиное гнездо», реально представлявшее немалую угрозу безопасности США. Ведь именно оттуда в Соединенные Штаты направлялась большая часть наркотиков. Результатом могло стать возникновение такого «пожара», который нельзя было бы сравнить с центральноамериканским конфликтом 80-х годов прошлого века.

Ключевую роль в переоценке отношений с Мексикой сыграли события апреля 2018 г., когда почти тысяча мигрантов из Центральной Америки буквально «обложили» пограничный с США мексиканский город Тихуану с намерением прорваться на территорию Соединенных Штатов. А мексиканские власти не смогли, либо, не исключаем, не захотели их сдерживать на южной границе страны. Президент США, похоже, осознал тот факт, что Вашингтон во многом зависит от Мексики. Последнее подтвердилось и в октябре 2018 г., когда, спасаясь от совершенно безнадежной социально-экономической ситуации в Гондурасе, десятки тысяч жителей этой страны образовали своеобразный караван, направившийся через Гватемалу и Мексику в Соединенные Штаты. В этой ситуации США вынуждены были обратиться к Мексике, так как ситуация для них сложилась фактически тупиковая. С целью получить помощь от мексиканской стороны в Мехико срочно прибыл госсекретарь Майк Помпео, который на встрече с министром иностранных дел Луисом Видегарамом настоятельно просил перекрыть границу Мексики с Гватемалой⁵.

В отношениях с Кубой также произошли изменения, причем в ряде аспектов кардинальные. С одной стороны, американский президент как обычно «работал» на свой имидж в конгрессе, в основном словесно обвиняя кубинское руководство в том, что США сделали целый ряд шагов для смягчения отношений с Кубой, но взамен не получили практически ничего. С другой — были предприняты конкретные шаги по ужесточению экономической блокады. Был составлен черный список из 60 кубинских пред-

приятый, якобы связанных с военно-промышленным комплексом, сотрудничая с которыми американские компании могли подвергнуться целому набору санкций. В феврале 2019 г. Трамп заявил о том, что в течение месяца он введет в действие статью III закона Хелмса-Бертон от 1996 г., придававшую этому закону экстерриториальный характер, так как она предусматривала судебное разбирательство в отношении тех иностранных компаний, которые действовали на территориях, экспроприированных в ходе кубинской революции. Напомним, что именно эта статья подверглась жесткой критике Совета Европы, угрожавшего передать этот вопрос в ВТО. В результате в течение более двух десятилетий сменявшие друг друга президенты США «клали под сукно» именно эту статью закона, разумно опасаясь испортить отношения со своими западноевропейскими союзниками. 17 апреля советник президента Трампа по национальной безопасности Джон Болтон официально объявил о введении в действие ст. III закона со 2-го мая 2019 г. Это, как и ожидалось, вызвало резко негативную реакцию Евросоюза, пригрозившего Вашингтону целым набором ответных санкций.

Относительно Венесуэлы Трамп до середины 2017 г. под нажимом реакционного крыла в конгрессе в основном ограничивался критикой режима Николаса Мадуро и периодическими угрозами «наказать» его за нарушения прав человека. В принципе этим же периодически занимался и Обама. Что касается угроз применить против Венесуэлы военную силу, то подобные заявления, как представляется, оказались непродуманными, так как еще больше осложнили отношения с латиноамериканскими партнерами, довольно резко выступившими против каких-либо военных действий в отношении Венесуэлы. Причем, в числе этих государств были те, которые на сессиях ОАГ неоднократно критиковали режим Н.Мадуро за нарушение демократических норм.

Тем не менее с весны 2018 г. американская дипломатия в отношении Венесуэлы начала работать на полных оборотах. Более того, именно события в этой стране, как это ни парадоксально звучит, придали региональную направленность латиноамериканской политике Вашингтона. При этом администрация Трампа во многом воспользовалась сдвигом политического ландшафта в регионе вправо, произошедшего в результате выборов в ряде государств. В Латинской Америке появились новые лидеры, которые не скрывали своей заинтересованности в стратегическом партнерстве с Соединенными Штатами. Это были президенты Аргентины Маурисио Макри и Чили Себастьян Пиньера, инициировавшие образование «лимской группы», состоявшей из 14 государств, которые на совещании в столице Перу в марте 2018 г. приняли решение о совместных усилиях по применению к режиму Мадуро Демократической хартии, что предусматривало приостановку членства Венесуэлы в ОАГ⁶.

Своеобразным лидером латиноамериканской политики Вашингтона стал вице-президент Майк Пенс, который уже нанес несколько визитов в этот регион. Особый эффект имело его участие в очередном Саммите Америки в Лиме в апреле 2018 г. Ему удалось, в известном смысле, выстроить в один ряд большинство государств Латинской Америки и добиться принятия резолюции, осуждавшей режим Мадуро и призывавшей к коллективным санкциям в отношении него. Очевидно, что многими государствами

двигало в первую очередь опасение того, что Трамп может пересмотреть соглашения о свободной торговле, заключенные США с 14 латиноамериканскими странами.

В целом же можно однозначно утверждать, что заинтересованность Вашингтона в укреплении стратегического партнерства с ведущими режимами Латинской Америки растет. Об этом, в частности, свидетельствовал и состоявшийся в августе 2018 г. визит главы Пентагона Джеймса Мэттиса в Аргентину, Бразилию, Чили и Перу. Отметим, что министр обороны США не был в Латинской Америке почти два десятилетия. Более того, в июле 2018 г. президент Аргентины М.Макри дал согласие на размещение в этой стране трех американских военных баз. Мотивация выглядела весьма необычно. Базы были размещены не для борьбы с наркотрафиком, либо в целях укрепления государственных границ, а для обеспечения политической стабильности в стране⁷. Избрание же на президентских выборах в Бразилии ультраправого кандидата Жаира Болсонару, вступившего в должность 1 января 2019 г. и уже прозванного «тропическим Трампом» еще больше расширяло стратегические возможности Вашингтона в регионе.

Существенные перемены произошли в политике Китая в Латинской Америке. Это подтвердила новая «маршрутная карта», разработанная Пекином сразу же после окончания визита Си Цзиньпина на саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Лиме в 2016 г. В ней отмечался долгосрочный интерес Китая к развитию связей со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. В частности, указывалось, что Пекин, являющийся сторонником свободной торговли, будет наращивать взаимную торговлю разнообразными товарами с добавочной стоимостью, а также инвестициями в инфраструктуру, отвечая тем самым на потребности латиноамериканских стран⁸.

Китай в целом умело воспользовался некоторым самоустранением Вашингтона от латиноамериканских дел для наращивания собственного присутствия. В этой связи можно сослаться на высказывание министра иностранных дел Чили в правительстве Мишель Бачелет Эральдо Муньоса, который, в частности, комментируя новую геополитическую ситуацию в регионе, в феврале 2018 г. отметил, что вакуумом лидерства США в полной мере воспользовался Китай.

В новой «маршрутной карте», объявленной новым китайским лидером, четко просматривался стратегический план продвижения интересов Китая в регионе. Он включал 39 планов сотрудничества в восьми ключевых секторах — в области политического, торгово-экономического обмена, сотрудничества в сфере культуры, международного взаимодействия по вопросам мира и безопасности⁹. Директор Института Латинской Америки Академии общественных наук Китая Ху Сишенг при этом отмечал, что если раньше модель торговых отношений основывалась на импорте сырьевых товаров, то в будущем она будет ориентирована на экспорт высоких технологий и товаров с добавленной стоимостью..

Используя грядущий американский торговый протекционизм и сокращение инвестиций в Латинской Америке, Китай уже проник на нефтяной рынок и стремился инвестировать в объекты инфраструктуры, разумно полагая, что это — «ахиллесова пята» региона. В данном случае интересы

двух сторон совпадали. Латиноамериканские государства были крайне заинтересованы в развитии инфраструктуры. Китай же тем самым обеспечивал себе куда более легкий доступ к стратегическому сырью, в избытке залегающему в недрах целого ряда стран Латинской Америки, и расширение торгово-экономических связей в целом.

Уже было объявлено о планах инвестировать до конца десятилетия 39 млрд долл. В инфраструктурные проекты в 2016 г. Китай уже вложил средства, причем только в Бразилию, Венесуэлу и Эквадор — более 21 млрд долл., что составило 92% от общих капиталовложений КНР в регион. Займы же, предоставленные лишь в одном 2016 г., превзошли аналогичные, выделенные Всемирным банком и Межамериканским банком развития вместе взятыми¹⁰. При этом все три обозначенные выше государства закончили 2016 г. с экономическим спадом, а выделенные Китаем средства заметно облегчили их положение.

Отдельно следует отметить отношения Пекина с режимом Н.Мадуро в Венесуэле. Не скрывая своей озабоченности кризисом в этой стране, в 2017 г. государственные китайские банки не предоставили терпящему бедствие венесуэльскому режиму ни одного кредита, откровенно сомневаясь в его платежеспособности. Впрочем, ситуация заметно изменилась в 2018 г.: в июне Китай предоставил Венесуэле кредит в 250 млн долл. При этом проправительственная венесуэльская пресса уже даже заговорила о том, что КНР вполне может предоставить Каракасу займ чуть ли не в 5 млрд долл.

Как все это можно объяснить? Как представляется, во-первых, кредит был предоставлен на конкретные цели, а именно — для восстановления терпящей бедствие главной венесуэльской нефтяной компании. При этом Китай по-прежнему был заинтересован в поставках венесуэльской нефти из бассейна р. Ориноко. Во-вторых, в условиях нарастающих санкций в отношении Венесуэлы со стороны Соединенных Штатов и развязывания ими торговой войны с Китаем тот лишний раз стремился продемонстрировать свою независимость от Вашингтона. Наконец, Пекин был крайне заинтересован в восстановлении экономики Венесуэлы, так как Каракас за два десятилетия задолжал КНР многомиллиардную сумму, которую прагматичный Китай не терял надежды получить.

При этом и схемы капиталовложений были разными. Особый случай — это, конечно, межокеанский канал в Никарагуа. Китай в известном смысле завуалировал свое присутствие в этом проекте и главное — свой истинный интерес, поручив реализацию проекта миллиардеру из Гонконга Ван Хингу. При этом после строительства канала, а также двух глубоководных портов и аэропорта, все вышеперечисленные объекты на ближайшие 100 лет фактически переходили в собственность китайского миллиардера, т.е. Пекина.

В отличие от Никарагуа, фактически потерявшей суверенитет над возводимым каналом, а также двумя портами и аэропортом, и Перу, и Бразилия, и Китай являлись соучредителями и собственниками транспортного коридора, а именно — строившегося КНР железнодорожного пути. Так, для Бразилии путь к перуанским тихоокеанским портам был крайне важен, так как позволял куда дешевле поставлять в Китай товары из штатов Рондония и Мату-Гроссу, транспортировка которых через Атлантику обходилась

слишком дорого. При этом речь шла о том, чтобы «покрыть» практически всю Латинскую Америку сетью транспортных коридоров, не только соединяющих тихоокеанское и атлантическое побережья, но и в меридиональной плоскости.

Однако не все шло так гладко, как планировалось. Так, например, реализация проекта по созданию коридора, связывавшего бы тихоокеанское побережье Перу с атлантическим побережьем Бразилии, неожиданно столкнулась с сопротивлением индейских общин Бразилии, через земли которой он должен был проходить. Учитывая существенно возросшее влияние этих общин, причем не только в Бразилии, проект был пересмотрен, а маршрут коридора существенно удлинен: он должен был пройти из Перу через Боливию, Парагвай, Уругвай и закончиться в Бразилии.

Наконец, следует отметить, что и малые страны, еще недавно связанные соответствующими обязательствами, согласно Уставу Общего рынка стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur), запрещавшему заключение каких-либо сепаратных соглашений о свободной торговле с третьими странами, также потянулись к Китаю. Как представляется, в данном случае они последовали примеру Аргентины. Президент этой страны Макри во время своего визита в 2016 г. в Вашингтон и встречи с Трампом, а их связывала давняя дружба, уже высказался за заключение договора о свободной торговле с США, на что, правда, американский президент никак не отреагировал.

В октябре 2016 г. президент Уругвая Табаре Васкес нанес визит в Пекин с главной целью — заключить соглашение о свободной торговле с КНР, кстати, своим главным торговым партнером. В ходе визита глава Уругвая подчеркнул заинтересованность в приобщении своей страны к «шелковому пути» в Китай через Тихий океан.

Следует отметить, что свой третий по счету визит в страны Латинской Америки Си Цзиньпин совершил буквально через неделю после того, как Трамп занял президентское кресло. Как отмечал целый ряд экспертов, Китай стремился всячески воспользоваться наметившимся сворачиванием экономического присутствия Вашингтона в регионе, чтобы не только занять освободившиеся ниши, но и в целом нарастить свою экспансию в Латинской Америке. При этом Китай планировал активно продвигать альтернативный транстихоокеанскому партнерству вариант сотрудничества, которое, к его удовлетворению, по сути подорвал Трамп. КНР выдвинула новую схему взаимодействия в этом регионе. Речь шла о созданной ею Интегральной региональной экономической ассоциации (ИРЭС), в которую в рассматриваемый период входили десять стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Association of Southeast Asian Nations, ASEAN), а также Австралия, Южная Корея, Индия и Япония.

Отметим, что Китай отнюдь не стремился к чистой коммерциализации своих отношений со странами региона. В последние годы акцент также делался на политической составляющей. Как отмечал Хуан Пабло Карденаль, один из главных западных экспертов по политике Китая в Латинской Америке, КНР стремилась, и не без успеха, проникнуть в академическую, культурную и социальную среду стран региона, установить дружеские отношения с влиятельными политическими деятелями, теми, кто во многом формировал общественное мнение, а также с дипломатами, журналистами,

чтобы сформировать у них положительный образ Китая. Стратегически все укладывалось в общую схему: расширить диапазоны взаимодействия с государствами Латинской Америки, не ограничиваясь лишь торгово-экономическим и инвестиционным взаимодействием.

Евросоюз в существенно меньшей степени, в отличие от того же Китая, воспользовался начавшимся свертыванием экономического присутствия Соединенных Штатов в Латинской Америке после того, как Трамп занял президентский пост. Подтверждением этого стал не только тот факт, что западноевропейские страны так и не смогли выработать единую позицию по вопросу заключения соглашения с Mercosur о свободной торговле: переговоры шли с 1996 г. и неоднократно прерывались. Это лишний раз подтвердили итоги визита в Париж президента Аргентины Макри в январе 2018 г. Президент Франции Эммануэль Макрон в довольно категоричной форме отказался даже обсуждать вопрос о преференциальных пошлинах на мясомолочную продукцию, которую южноамериканская «четверка» была готова поставлять в страны Евросоюза.

Другой причиной очевидного торможения евро-латиноамериканских связей, на наш взгляд, являлось отсутствие у Европейского союза (ЕС) реального лидера, возглавившего бы латиноамериканское направление, по крайней мере, в качестве координатора. И этому не помог даже широко освещавшийся прессой визит тогда еще пребывавшего в должности премьер-министра Испании Мануэля Рахоя в Аргентину в апреле 2018 г. (был отстранен от должности в мае 2018 г.). Последний на встрече с Макри всячески пытался позиционировать себя как ведущий европейский политик, делавший ставку на Латинскую Америку. Более того, он привез с собой более 60 представителей бизнес-элиты Испании, однако никаких крупных контрактов подписано так и не было.

Изменившаяся геополитическая ситуация в Латинской Америке заметно затронула интересы России, причем негативным образом. Речь идет, в первую очередь, о вступлении в полосу кризиса левонационалистических режимов, в начале нового века ставших главными партнерами нашей страны. Если еще десятилетие назад по информации МИД РФ наша страна поддерживала отношения стратегического партнерства с Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой, Колумбией и Эквадором, то к концу второго десятилетия нынешнего века таких партнеров у России почти не осталось.

В первую очередь речь идет о Бразилии, которая в результате беспрецедентного социально-экономического и политического кризиса с 2015 г. во многом растеряла свои лидирующие позиции в регионе и опустилась в таблице о рангах на одно из последних мест, уже не помышляя о превращении в мировую державу. Характерно, что и Соединенные Штаты, в течение десятилетий стремившиеся сделать латиноамериканского гиганта своим стратегическим партнером, во многом потеряли интерес к этому терпящему бедствие государству.

Не просто обстояли дела с Венесуэлой, также являвшейся стратегическим партнером России в период президентства У.Чавеса. Режим Мадуро своими необдуманными и во многом авантюрными действиями довел страну до широкомасштабного экономического и политического кризиса, восстановив своими авторитарными акциями против себя большую часть

мирового сообщества. За исключением, естественно, Китая, который, цепляясь за венесуэльскую нефть и стремясь хоть как-то спасти многомиллиардные займы этой стране, продолжал финансировать находящийся на грани коллапса режим, традиционно не обращая внимания на нарушения прав человека в Венесуэле.

Тем не менее, основываясь на подписанном еще в 2011 г. соглашении о военно-техническом сотрудничестве, Россия продолжала оказывать помощь Венесуэле, в частности, направив в марте 2019 г. группу военных специалистов для обучения военнослужащих этой страны работе с российской военной техникой. Несмотря на почти ультимативные требования администрации Трампа отозвать российских специалистов, наша страна в очередной раз продемонстрировала самостоятельность внешней политики, четко обозначив, что эта акция в полной мере соответствует нормам международного права. В то время как Трамп неоднократно допускал возможность военной интервенции в Венесуэле¹¹, действия российской стороны были продиктованы стремлением укрепить обороноспособность этого государства.

Россия продолжала сотрудничество с Кубой. Оно было продиктовано в основном стремлением хоть как-то облегчить положение своего давнего союзника. Ведь масштабный кризис в Венесуэле, резко сократившей льготные поставки нефти и кредитование острова Свободы, поставил страну на грань экономической катастрофы.

При этом России вряд ли стоит рассчитывать на обретение нового союзника в лице победившего на президентских выборах в Мексике 1 июля 2018 г. левого кандидата А.Лопеса Обрадора. Надо отдать ему должное в том, что он не поддался на неоднократные предупреждения бывшего госсекретаря США Рекса Тиллерсона, несколько раз посещавшего Мексику, относительно того, что Москва обязательно вмешается в выборы. На вопросы корреспондентов по этому поводу А.Лопес Обрадор отвечал довольно резко и говорил, что это — «полная чушь». Однако ждать каких-либо кардинальных перемен в российско-мексиканских отношениях не приходилось. Естественно, новый мексиканский президент стремился продолжить курс своего предшественника на диверсификацию внешнеэкономических связей за счет Китая, Индии, и, конечно же, России, чтобы хоть как-то снизить зависимость от американского рынка. Но не более того.

Приход к власти в целом ряде государств, которые еще десятилетие назад причислялись российским МИД к числу наших стратегических партнеров, таких консервативно ориентированных лидеров, как М.Макри в Аргентине, С.Пиньеры в Чили, Ивана Дуке в Колумбии и, наконец, Ж.Болсонару в Бразилии, заметно снизил внешнеполитическую активность России в регионе. Все эти лидеры в той или иной форме демонстрировали свою заинтересованность в стратегическом партнерстве с Вашингтоном.

Макри несколько выделялся на этом фоне. Во всяком случае в телефонном разговоре с В.В.Путиным сразу же после своего избрания он пообещал российскому президенту предпринять целый ряд шагов по расширению связей с Россией. По мнению представителей нашего внешнеполитического ведомства, разговор вышел за установленные дипломатическими нормами рамки и носил, очевидно, конструктивный характер. При этом новый

аргентинский президент сделал ряд существенных конкретных предложений Москве, от которых трудно было отказаться. Так, во-первых, он заявил, что Аргентина станет для России своеобразными воротами в Латинскую Америку. Во-вторых, согласно Макри, его страна предпримет все усилия, чтобы наше государство наладило прочное взаимодействие с такими интеграционными группировками, как CELAC (в котором наша страна уже получила пост наблюдателя) и Unasur. В-третьих, согласно позиции аргентинского президента, который в принципе высказался против практики каких-либо санкций, Россия могла твердо рассчитывать на аргентинские мясопродукты и фрукты, которые призваны были минимизировать негативный эффект западных санкций. Примерно то же самое Макри повторил во время официального визита в Москву в конце января 2018 г. Однако к середине 2019 г. никаких сдвигов не произошло. Россия так и не увидела массового наплыва аргентинских товаров. Более того, товарооборот между двумя странами сократился почти вдвое — с 1,5 млрд долл. в период президентства К.Фернандес де Киршнер (2007—2015 гг.) до чуть более 800 млн долл. в период правления Макри.

Отдельно следует попытаться ответить на вопрос, неоднократно задававшийся международными экспертами: присоединятся ли ведущие государства Латинской Америки к санкционной политике США в отношении России. Однозначно ответить сложно. И все же попробуем. Как представляется, вероятность присоединения латиноамериканских стран к санкциям напрямую весьма незначительная. Во всяком случае, в ходе прошедших в 2017 и 2018 гг. предвыборных кампаний тема санкций даже у праворадикально настроенных кандидатов практически не звучала. А Макри, считавшийся, как мы уже отмечали, другом Трампа, неоднократно подчеркивал, что в принципе является противником политики санкций.

Тем не менее возможность косвенного подключения латиноамериканских государств к санкциям против России исключить нельзя. Речь идет о закулисном давлении на них со стороны Вашингтона с целью ограничить или вообще исключить взаимодействие с крупными государственными российскими компаниями — либо подпадающими под санкции, либо с теми из них, которые напрямую конкурируют с американскими. В основном это может коснуться тех фирм, которые связаны с высокотехнологичными отраслями производства. Нельзя исключить и усиления давления Вашингтона на своих латиноамериканских партнеров, что способно привести к существенному ограничению взаимодействия России с ними. Думается, что нейтрализовать это давление, по крайней мере частично, может лишь активизация политики нашей страны на латиноамериканском направлении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. М., ИЛА РАН, 2017, с. 11 [Laninskaya Amerika na perelome globalnij y regionalnij trendov [Latin America at the turning point of global and regional trends]. Moscow, ILA RAN, 2017, p. 11.

² В.П.С у д а р е в. Вашингтон в поисках новых подходов к Латинской Америке. *Международная жизнь*, 2016, № 3, с. 42. [Washington v poiskaj novij podjodov k Latinskoj Amerike [Washington in search of new approaches towards Latin America]. *International Affairs*, 2016, N 3, p. 42.

³ В.П.Сударев. Что ждать Латинской Америке от Дональда Трампа. *Латинская Америка*, 2017, № 2, с. 24-25. [Chto zdat Latinsroy Amerike ot Donald Trampa [What Latin America can expect of Donald Trump]. *Latinskaya Amerika*, 2017, N 2, p. 24-25.

⁴ В.П.Сударев. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США — Китай — Евросоюз. М; МГИМО-Университет, 2019. с. 31. [Latinskaya Amerika v geopoliticheskom treugolnike USA – China – Evrosoyus [Latin Amerika in the geopolitical triangle USA – China – European Union]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2019, p. 31.

⁵ V.P.Sudarev. La política latinoamericana de D.Trump. *Iberoamérica*, 2019. № 1, p. 11(enero-marzo). Available at: <http://www.iberoamericajournal.ru> (accessed 10.04.2019).

⁶ В.П.Сударев. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США — Китай — Евросоюз. Op. cit., p. 38.

⁷ В.П.Сударев. Территориальные споры не уходят в прошлое. *Латинская Америка*, 2018, № 12, с. 56. [Territorialnie spori ne yjodiat v proshloye [Territorial disputes do not go to the past]. *Latinskaya Amerika*, 2018, N 12, p. 56.

⁸ V.P.Sudarev. Nueva hoja de ruta de Xi Jinping. *Iberoamérica*, 2018 (abril-julio) № 2, p. 32. Available at: <http://www.iberoamericajournal.ru> (accessed 11.08.2018).

⁹ Quién ocupará el vacío que deja Trump en América Latina? Available at <http://www.nuevospapeles.com/nota/1684-iquiest-quien-ocupara-el-vacio-que-deja-trump-en-america-latina> (accessed 05.01.2017).

¹⁰ Créditos de China a Latinoamérica en 2016 fueron de 21.200 millones dolares. Available at: <http://www.efe.com/efe/america/economía/los-creditos-de-china-a-latinoamerica-en-2016-fueron-21200-millones-dolares/200000-3188705> (accessed 24.02.2017).

¹¹ Trump: “Rusia tiene que salir de Venezuela” /Estados Unidos/. Available at: http://elpais.com/internacional/2019/03/27/estados_unidos/15537...05686_334328.html (accessed 1.04.2019).

Vladimir P. Sudarev (v.sudarev@mtu-net.ru)

Doctor of Sci.(Policy), Professor, Min Research Associate in the Department of Political Studies of the Institute of Latin American Studies of the RAS.

21, B.Ordynka Str., Moscow, Russian Federation

Latin America: a new geopolitical trajectory

Abstract. The article is dedicated to the analysis of substantive changes in the approach to the relationship with the countries of Latin American region of the main centers of world politics – United States, China and European Union. Special attention is paid towards the impact of the new geopolitical situation over the social and political development on the region and the interests of Russia in this part of the world.

Key words: geopolitical triangle, new relationship, administration of D. Trump, the map of the route of Si Zsinpin, European Union, Russia.

DOI: 10.31857/S0044748X0005397-5

Received 4.04.2019